

Фото Вячеслава Короткихина

Юрий Ряшенцев

Для разума и души

Тем, кто любит и понимает русские стихи, хорошо известно, что поэзия последних десятилетий непредставима без музыкально-живописной, повествовательной и воздушной лирики Юрия Ряшенцева. О каждом определении, подобранном сейчас мною, можно было бы говорить отдельно, перелистывая его старые и новые книги: «Часы над переулком», «Високосный год», «Дождливый четверг», «Любовные долги», «Едины парус и душа». Он — милостью Божией подлинный — как говорил один мой друг — «поэтский поэт», и даже его литературное имя, развернутое в гражданскую строку, пропитано просодией.

Ю-рий Ев-гень-е-вич Ря-шен-цев.

Ленинградец по рождению, он уже восемьдесят лет живет в Москве, к которой горячо и нежно привязан. В его любимых Хамовниках, кажется, нет дерева или дворика, не обласканного, не привеченного его поэзией. Но это, оговорюсь, не романтические дела, ибо интонация Юрия Ряшенцева, как правило, элегическая.

То же — и в неизменной «южной» теме.

Кстати, при всем этом он — неистовый жизнелюб и в свои сегодняшние годы остается молодежавым, подтянутым олимпийцем. Думаю это сказывается и на его профессии автора зонгов для кинематографа (вспомним «Трёх мушкетёров» и «Гардемаринов»), а в новые времена и — мюзиклов.

«Когда мы говорим о его античном сибаритстве, — писал о Ряшенцеве поэт Илья Фаликов, упоминая книги «Прощание с империей» и «Любовные долги», — неплохо бы помнить и о том, что за ним — эвакуация, послевоенная Москва, произрастание в условиях двора той поры в тени...

Новодевичьего монастыря (он ударяет на «ви», и это очень важно: так они, пацаны тех мест, говорили). Прощаться можно по-разному. Проще всего — поднять хай, криком-визгом покрыть предмет прощания. Тяжелей всего — помнить и быть благодарным. Но Ряшенцеву это как раз не тяжело: он возвращает долги».

...А в своих новых книгах, дерзко добавлю я от себя, он всё пристальнее вслушивается и в Того, кто посылает нам испытания и таланты. Бережно складывая для вас подборку стихотворений Юрия Ряшенцева, я думал об этом. ♣.

Заместитель главного редактора журнала
«Новый мир» Павел Крючков
Рисунки Анны Музыки

* * *

Меня ты обругал за обращенье к Богу.
А с кем мне разговаривать — с тобой?..
Квадригу — на дыбы и — в вечную дорожку
ездок на крыше в выси голубой!

Торговец теребит разорванный передник...
Приезжий на углу сторговывает плоть...
Единственный в Москве свободный собеседник,
единственный, кто слушает, — Господь.

А что ответа нет — так сам же я в ответе:
прошляпил в Божьей щедрости искус.
Языческий кумир на древнем драндулете...
Гюрзы Эллады сладостный укус...

* * *

Ничего не видя и не слыша,
лягу у инжирного куста.
Между мной и Богом только крыша
из худого ржавого листа.
Я из-под навеса на дорожку
не гляжу — там та же мельтешня.
Есть сегодня, что сказать мне Богу.
Только Он все знает без меня.

Пусть. И мой рассказ Ему не лишний.
Потому ль, что он Ему знаком,
так спокойно Он молчит, Всевышний,
над железным утлым козырьком.
Иверская, добрая икона,
значит, остается мне опять
уповать без всякого резона,
безо всяких жалоб уповать.

* * *

Розовыми прожилками светится мой инжир.
Лето еще не все — половину зубов даю!
Господи, да не Ты ли влюбил меня в этот мир —
что же Твой клирик сердится так на любовь мою?

Я ж не одни подарки: брызги, лучи, плоды —
принял с благодареньем, взор свой отворотив
и от травы сожженной, и от гнилой воды,
да и от гнуса, гнусающего гнусный, но свой мотив —

принял и эти хворости в крепкой натуре дня,
где из прибоья древнего полчища Афродит
утром выходят на берег, камни на дне кляня,
и светлая соль океанская чуть на плечах блещит.

Но все это лишь подробности. И выразить не дано
того, что нам всем отпущено для разума и души...
Скажи, Ты и вправду сердись за бешеное вино,
за злую счастливую девушку? Ну, не молчи, скажи!

Да будь оно вправду проклято это мое житье,
если я жил без памяти, если умножил зло.
А и того не хуже ли это мое нытье?
Лучше бы сесть мне в лодочку, лучше бы взять весло...

